

УДК 271.21+27-9

**К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОФИЛЕТИЗМА:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК. ЧАСТЬ IV**

Венедиктов В.Ю.

На Святом и Великом Соборе-2016, состоявшемся на Крите, была поднята и заострена проблема этнофилетизма. Отсутствующие делегации арабов, русских, грузин и болгар на пленарном заседании были осуждены в этнофилетизме. Таким образом, ересь этнофилетизма, впервые провозглашенная на Константинопольском Соборе 1872 года, вновь стала актуальной. В настоящей статье мы исследуем два вопроса: каким образом и почему эта ересь появилась на свет и можно ли считать этнофилетизм ересью? В заключительной части исследования на основе архивных документов повествуется о дальнейшем развитии церковного конфликта после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. до конца XIX века. Подведены итоги исследования.

Ключевые слова: церковная история, схизма, греко-болгарский церковный конфликт, Константинопольский Патриархат, Константинопольская Патриархия, этнофилетизм, Святой и Великий Собор, Православие.

**ON THE PROBLEM OF ETHNOPHYLETISM:
A HISTORICAL STUDY. PART IV**

Venediktov V.Y.

The Holy and Great Council on Crete, 2016 has risen an important issue of Ethnophyletism. Russian, Georgian, Bulgarian, and Antiochian Orthodox Churches delegations were not present at the Great Council and were criticized for Ethnophyletism at the plenary session. The heresy of ethnophyletism was announced by the Council of Constantinople in 1872. Now we can see that it became essential nowadays. The article tells about the origin of this heresy and whether the Ethnophyletism may be decided to be the heresy. Basing on the archival documents

the fourth part of the paper describes further development of the Church conflict after the Russian-Turkish War of 1877-78 and summarizes the results of the research.

Keywords: Church history, Schism, the Bulgarian Greek Church conflict, Constantinople Patriarchate, Constantinople Patriarchy, Ethnophyletism, the Holy and Great Council, Orthodox.

Продолжение церковного конфликта после войны

12 апреля 1877 года Россия объявила войну Турции. Начало войны с Россией Абдул-Хамид II использовал в идеологических целях (панисламизм против России). 21 мая 1877 года палата турецких парламентариев «одобрила возложение на султана титула "Гази", "Воитель за веру" (ранее Шейх-уль-ислам уполномочил Абдул-Хамида II принять этот титул). Иными словами, война с Россией была приравнена к войне правоверных мусульман против "неверных"» [2, с. 51]. Но и со стороны Российской империи бурно стали развиваться идеи панславизма и византизма. В политической сфере все шире распространялись идеи восстановления древней модели православной ойкумены, но на этот раз с центром не в Константинополе, а в Петербурге. Подобно тому, как в свое время выбранная императором Константином столица империи стала центром православного мира, также и теперь столица единственной великой державы, имеющей многомиллионное православное население и православного царя, должна стать во главе восточно-христианского мира, а военная мощь России будет этому гарантией. Впрочем, и захват Россией Константинополя для многих представлялся делом близкого будущего, и вопрос стоял только в том, где быть новой столице русского царя [4, с. 14].

Теперь жизнь по-новому ставила вопрос болгарской церковной автокефалии. Положение Болгарской Церкви продолжало оставаться крайне шатким. Возникнув вне канонических условий, она была обязана своим существованием султанскому фирману 1870 года, законность которого не признавал Вселенский Патриарх и многие из постановлений которого остались невыполненными. Положение Болгарского экзарха еще более усложнилось.

Порта не захотела допустить, чтобы болгарское население Македонии оставалось в ведении экзарха, духовная власть которого распространялась на вассальное Болгарское княжество и на автономную Восточную Румелию. Болгарские епископы оставили во время войны македонские епархии (Ускюбскую, Велесскую и Охридскую). Порта вынудила окончательно уйти болгар из этих епархий и перевела эти области в ведение Вселенского Патриарха.

Македония сделалась ареной упорной борьбы между греческим и болгарским влиянием. В ноябре 1883 года в Константинополе распространились слухи о намерении Порты изменить фирман 1870 года [1, с. 182]. Реагируя на эти слухи экзарх Иосиф добивался встречи с султаном, но не получил приглашения присутствовать на официальном празднике по случаю обрезания принцев, на который были приглашены начальники других религиозных общин. После чего экзарх обратился за поддержкой к русскому послу в Константинополе А.И. Нелидову, а также к Болгарскому Правительству и генерал-губернатору Восточной Румелии. Более того, блаженнейший Иосиф вызвал демонстрации в Македонии, многочисленные заявления в пользу сохранения привилегий, дарованных экзарху. В итоге, султан назначил Иосифу особую аудиенцию. Его Величество пожаловал экзарху орден «Османия» первой степени. У Иосифа была аудиенция и с русским послом. Экзарх желал от себя назначить в Софию особого викария, при котором состоял бы местный Синод. По мнению экзарха, желательным было бы перенести центр управления церковными делами болгар в Филиппополь и занять свободную в 1884 году митрополичью кафедру в этом городе, а для сношений с Портой назначить в Константинополь викария [1, с. 182]. Но из-за крайней неустойчивости взглядов, которой отличалась политика Порты, многие благие намерения экзарха и инициативы русского посла оставались невыполненными.

Локальные столкновения между греками и болгарам порой оказывались драматическими. Так в 1884 году болгарам Дибрско-Кырчовской епархии удалось получить от турецких властей в Константинополе визирьяльное письмо

на признание архимандрита Феофила председателем болгарской общины в Дибре и Кырчове. В дело вмешался греческий митрополит Битоли и Дибры, преосвященный Анфим, который «тотчас же, пустил в ход всевозможные недостойные интриги и клеветы, чтобы помешать официальному признанию предстоятеля болгарских общин» [1, с. 183]. По мнению русского консула в Битоле Н.А. Скрябина, «истина могла бы выясниться и спокойствие надолго и прочно установиться только с удалением из Дибры источника всех ненастий, греческого митрополита, преосвященного Анфима. Все христиане его епархии без исключения глубоко его ненавидят и уже несколько месяцев тому назад подали в Высокую Порту прошение об отзывании их деспота-владыки в Константинополь» [1, с. 183].

История с назначением о. Феофила председателем болгарской общины закончилась убийством. «22-го сего июля (1884 г. – В.В.) за два часа до захода солнца и в ½ часа расстояния от г. Дибры (Дебар) был убит архимандрит Феофил, представитель экзархата (Болгарской церкви – В.В.) в Дебрской епархии. Он получил сначала одну пулю в голову, другую в бок, а затем голова его была отрезана. За день до убийства в селении Лазорополь совершилось празднество в честь пророка Илии. Лазоропольчане, не признавая Константинопольской Патриархии, заблаговременно пригласили для совершения церковного торжества проживавшего в селении о. Феофила, представителя Экзархата. Не желая стычки с греческим митрополитом Анфимом, который не переставал интриговать с целью присоединения Лазорополя к своей несуществующей в действительности епархии, о. Феофил позаботился заранее заручиться позволением на священнодействие Дебрского губернатора. Вернувшись в селение со спокойною совестью, о. Феофил приступил к совершению церковного служения... Как вдруг, среди обедни, являются жандармы и уводят его в Дебру» [1, с. 183].

Оказалось, что значительные доходы, которые собирались в этот день священством в Лазорополе, вследствие того, что все свадьбы обычно совершались в день храмового праздника, «не могли примирить алчную душу

греческого митрополита с их потерей... Неизвестно к какому наглому обвинению прибег сей недостойный пастырь; но вероятно это обвинение было сильно, т. к. власти сочли нужным схватить о. Феофила во время совершения им св. обряда. Наглость же обвинения, выдуманного греческим митрополитом, уже явствует из того, что о. Феофил после объяснения с властями на другой же день был снова отпущен в Лазорополь специальным позволением совершения свадеб, которые не произошли в день праздника, несмотря на то, что греческий митрополит прибыл в селение тотчас по увозе жандармами о. Феофила» [1, с. 184]. Сопровождаемый охраной, греческий владыка Анфим вошел в селение силой. Тем не менее, народ не принял его «кошунственного служения пред алтарем». Между тем о. Феофил пустился из Дибры в обратный путь к своей пастве, но на дороге был застигнут убийцами. «Получив страшное известие, лазоропольчане ни минуты не задумываясь, приписали инициативу убийства греческому митрополиту. К счастью, для преосвященного Анфима он вовремя выехал в Дибру из Лазорополя. Обвинения голословны, но замечательно то обстоятельство, что греческий митрополит Анфим в Дибре держался на своем poste не сочувствием христиан, которые все поголовно неоднократно просили Патриарха об его отозвании, а лишь поддержкою мусульман-албанцев, которым он сумел внушить, что представители Экзархата присланы в Дибру, чтобы приготовить присоединение Албании к Болгарии» [1, с. 184].

Таким образом, греческий митрополит Дибрско-Кырчовской епархии, преосвященный Анфим, воспользовался разнузданностью албанских беев (разбойников), чтобы выступить «не защитником и покровителем своей болгаро-христианской паствы, а направителем на нее албанского бешенства» [1, с. 184].

Показательным кажется разрешение болгарской проблемы греческим архиереем с помощью албанских предводителей разбойнических шаек. Албанский вопрос поднимался в 80-ые годы неоднократно. Албанские банды, пишет в своем отчете Скрябин Н. А., «составляются под начальством наиболее значительных беев, которые выезжают на разбой среди бела дня, не стесняясь

присутствием турецкого гарнизона, и точно также, не стесняясь, возвращаются с добычей из нескольких сотен баранов, угоняя их из какой-либо христианской деревни после убийства нескольких хозяев и пастухов. Пока добыча еще прокармливает беев, их гаремы и полчища, банды спокойно проживают у себя по домам; но вот истрачена последняя выручка – и новый набег на какую-нибудь христианскую деревню» [1, с. 185].

В письме к А.И. Нелидову от 20 июня 1884 года консул Н.А. Скрыбин развивает свою мысль насчет албанского вопроса: «Если христиане Балканского полуострова и достойны порицания за чересчур большое умение пассивно сносить страдания, то что же сказать об албанцах, которые никогда в своей духовной жизни не проявляли никакой самозащиты, – этой первой доблести, необходимой для нравственной силы народа. Покоренные турками и испугавшись религиозных гонений и соединенных с ними физических страданий они, не задумываясь, приняли мусульманство... Обратившись в мусульманство, они (албанцы – *В.В.*) не имели даже доблести сделаться господами своего отступничества и найти нравственное спокойствие в бесповоротности совершившегося факта... Трусость перед страданиями заставила албанцев принять магометанство, трусость перед грехом отречения от Христианской Церкви отняла от них душевное спокойствие и также трусость проходит чрез последнюю их, почти двухвековую, историю» [1, с. 185].

Отвечая на письмо Скрыбина по албанскому вопросу, А.И. Нелидов писал, что албанцы, «может быть, одно из самых фанатичных племен среди мусульман в Турции, и в этом отношении могут сравниться с черкесами, хотя они, действительно, подобно мусульманам Кавказа, довольно небрежны в посещении мечетей и равнодушны к обрядам ислама. Объяснение этого факта надо искать в общей разнузданности этих племен и враждебном отвращении как тех, так и других по всякому порядку и дисциплине». В связи с этим замечанием русского посла интересны и его упоминания о спатийских (спатских) албанцах: «В Малой Азии есть отдельные села и мелкие народности, исповедующие по наружности исламизм, но тайные поклонники утраченной

ими свободы исповедования христианской веры. Для открытого заявления о своей истинной религии у них не хватает ни силы, ни мужества» [1, с. 186].

Насколько выполнимым было желание примирить в церковном вопросе греков и болгар на основании обоюдных уступок, можно судить по следующему факту. Население города Крушево в Западной Македонии (болгары, влахи и албанцы), не имея по близости ни греческой ни болгарской церкви, построило новый храм у себя в квартале. С тем условием, чтобы богослужение там совершалось поочередно – на болгарском, греческом и румынском языках. Чтобы освятить церковь население обратилось к Охридско-Преспонскому греческому митрополиту, как к главе епархии, к которой Крушево принадлежит. Греческий митрополит в освящении церкви отказал на том основании, что службу в церкви решили совершать на иных кроме греческого языках. Тогда население обратилось к митрополиту Битольскому. «Тут греческая нетерпимость высказалась еще характернее. Митрополит прямо заявил, что если бы даже Патриарх приказал ему освятить церковь, в которой предполагается служба на болгарском и румынском языках, то он предпочел бы выйти в отставку, нежели исполнить такое приказание» [1, с. 187]. Оскорбленные в своих национальных чувствах таким ответом владыки, все жители квартала в числе 260 домов подписали прошение к Болгарскому экзарху о своем ему подчинении и предоставили освящение церкви болгарскому духовенству.

Подобные греко-болгарские конфликты дублировали друг друга. В ноябре 1884 года болгарская община в Битоле согласилась принять на себя расходы по содержанию в бедном болгарском селении учителя. Селяне, обрадовавшись решением общины, открыли школу в принадлежащем им монастыре Христофор. «Сорок ребятишек наполнили две небольшие комнатки монастыря и принялись за грамоту с невообразимым усердием». Так продолжалось три недели до тех пор, пока о случившемся не осведомился Битольский митрополит Матфей. Истый пропагандист эллинизма, греческий владыка имел системою не только мешать пробуждению в болгарях

национального чувства, но и, еще более, гнать всеми способами уже объявивших себя официально болгарами» [1, с. 187].

Для болгар дело осложнил и новый битольский вали (руководитель местной администрации) Хали Кемали паша, прибывший из Янины, который тут же заявил себя ярим ненавистником болгар. По мнению вали, «болгарам потачек давать не следует, т. к. они снимут с турок и фески» [1, с. 188]. Такими настроениями нового вали воспользовался греческий митрополит и на следующем административном совете заявил, что болгары-христофорцы незаконно заняли принадлежащий патриархии монастырь и что открыли в нем самовольно болгарскую школу. Вали, не дожидаясь дальнейших объяснений, тотчас постановил отобрать у болгар монастырь, а школу закрыть.

Греческий митрополит на заставил себя долго ждать исполнением решения. Отрядив со своей стороны представителей и подкрепив их охраной, он послал их разогнать школу и принять во владение монастырь. Такой ход событий поразил даже мусульман, по мнению которых, неправомерно было так откровенно со стороны вали потакать лишь одному гяуру – греческому митрополиту. В итоге, лишенные храма и школы, болгары-христофорцы упали духом и сильно опечалились.

Свое видение болгарского вопроса греческий митрополит изложил турецкому вали на встрече с ним. «Все тяжбы с ним болгар должны быть объяснены лишь революционным духом последних, дух же этот, как следствие русской пропаганды, в интересах Турции, должен быть строго подавлен властями, иначе русская пропаганда будет угрожать и целостности самого государства». Споры болгар с митрополитом являются великолепным поводом «для правительства, чтобы, не выставляя вперед государственных мотивов, прекратить между болгарами опасное движение; а что это движение опасно уже ясно из того, что если позволить болгарам сегодня не платить духовной власти митрополиту, то завтра они откажутся платить и светской власти – султану» [1, с. 188].

Интересно, что местного битольского вали Хали Кемали пашу щедро задабривал греческий силлогос (греч. – общество). О паше рассказывали, что он уехал из Янины, забыв заплатить даже за взятую провизию. Помимо задабриваний греческие митрополиты действовали на турецких чиновников и другим способом: при каком-либо конфликте с вали представители высшего греческого клира не стеснялись разоблачать его грехи в константинопольских газетах. «Боязнь этих разоблачений и затягивала корыстных турок в рабство к греческим митрополитам» [1, с. 189].

Споры вокруг монастыря Христофор побудили русских дипломатов к разрешению многих церковно-правовых вопросов. Русского посланника в Афинах М.К. Ону интересовал статус монастыря Христофор. Являлся ли он ставропигиальным монастырем или нет? По данным М.К. Ону, ставропигиальными монастырями в Македонии и Болгарии владели Иерусалимская Патриархия, Синайская гора, Вселенская Патриархия.

Между тем, крайность и нетерпимость греческих агентов произвели в Македонии последствия совершенно противные интересам Церкви. Негреческие села стали еще в большем количестве отпадать от Патриархии, переходя в ведение Болгарского экзархата или подчиняясь румынской пропаганде. Так в 1892 году в Македонии перешло на сторону Болгарской церкви 94 села, из которых 45 в одной только Мельнинской епархии. С назначением туда епископа-грека, чего так настоятельно требовали крайние эллины, болгарское население немедленно стало переходить на сторону Экзархата.

Македонское разграничение с точки зрения русской дипломатической миссии казалось самой трудной стороной восточного вопроса. В доверительной депеше от 29 мая 1890 года А.И. Нелидов писал: «По мере ослабления административного давления турок и религиозного – греков, народные стремления пробудились с возрастающей силой и, рядом с притязаниями болгар, единственно заявлявшихся до войны – в восьмидесятых годах явились требования румын, албанцев и сербов. Румынские домогательства до сих пор

преимущественно пользовались покровительством австрийских агентов и отчасти католической пропаганды. Албанцы, менее объединенные и доселе ближе связанные с греками, стали в последнее время пользоваться покровительством Италии. Вмешательство иностранных влияний имело при этом очевидную целью не желание способствовать успеху той или другой народности, а пользоваться ею для достижения собственных корыстных целей, и особенно проводить их при помощи разлада между местными племенами. Этой тактики держалась особенно австрийская политика, покровительствовавшая по очереди то сербам, то румынам и теперь готовая взять под свое покровительство и болгар, лишь бы они явно были лишены нашей поддержки. Россия, задавшись мыслию восстановления славянских народностей и возможного охранения православия, поддерживала домогательства болгар, доколе они стремились оградить свою народность от подчинения грекам. Россия помогала болгарам бороться с иноверной пропагандой и защищала в Старой Сербии местное славянское население от насилий турок и албанцев» [1, с. 190].

Сербская пропаганда в Македонии была значительной и во многих местах не уступала греческой и иноверной (католической или протестантской). Не всегда удавалось и точно идентифицировать этническую принадлежность отдельных славянских поселений и групп в Македонии. «Обозначить ясно принадлежность македонских славян к болгарской или сербской народности, во многих местах положительно невозможно; они составляют нечто среднее между обеими по нравам, преданиям, языку, выговору, песням. Поэтому, – как кажется автору депеши, – весьма затруднительным утверждать, как то делают требования митрополита Михаила (митрополит Сербский, в миру Милой Йованович, богослов, церковный историк, литургист и педагог [см. 5]. – В.В.), что Скоплинская, Охридская, Велесская и Битольская епархии населены сербами... Несмотря на отклонение от России вожаков Болгарского княжества и враждебного отношения его правительства, в массе болгарского населения, особенно в Македонии еще существует сознание признательности и сочувствия

к России и ехидные внушения врагов России не могли погасить в болгарском населении Турции веры в Россию и ее заступничество, от которого оно ожидает своего освобождения в будущем. Несправедливо было бы также видеть в экзархе Иосифе орудие болгарских правителей. Вступаться России за одну из борющихся в Македонии славянских народностей весьма опасно. Необходимо удерживать славянское население Македонии в Православии, а если можно, то и в каноническом подчинении Великому патриархату. Одним из самых существенных средств для этого является сохранение и развитие славянского богослужения там, где население по преимуществу славянское. С отказа в подобном богослужении началась греко-болгарская распря, из-за того же пошла и уния» [1, с. 191].

В апреле 1895 года Болгарского экзарха Иосифа посетили два сотрудника российского посольства, составившие о своем визите интересную записку, в которой передаются впечатления от внешности экзарха: «Высокая крупная фигура его с черной окладистой бородой и живыми глазами, быстро перебегающими с одного предмета на другой, производит впечатление большой энергии и ума. Под левым глазом рубец, как бы от полученной раны, придает его физиономии особый характер. Все лицо его крайне выразительно и большей частью как-то невольно во взгляде пробивается выражение хитрости и сметливости. Говорит по-французски с сильным акцентом, но чрезвычайно свободно, не задумываясь над приисканием подходящих выражений и с видимой привычкой и охотой говорить» [1, с. 192].

Болгарское население Македонии по сведениям экзархата несколько превышало 1 100 000 человек. Население можно было разбить на три условные категории. По мнению экзарха Иосифа, к первой категории относились убежденные экзархисты, которые составляют ядро национальной Церкви. Во вторую категорию могли быть отнесены болгары, в которых было известное национальное самосознание и которые принципиально признавали, что всякий добрый болгарин должен быть экзархистом, но тяготение к своей национальной церкви у них уравновешивалось значительными материальными интересами,

которые их привязывали к Патриархии и эллинизму. Эти люди сами выражали желание иметь национальных епископов и богослужение на народном языке, но на них нельзя было твердо положиться: они прошли через много пропаганд и успели значительно деморализоваться. Наконец, третью категорию составляли те, кто «болгары по языку и происхождению, но греки сердцем», т.к. забыли о своем кровном родстве с Болгарией.

Таким образом, в Македонии сталкивались этнические интересы. Министр иностранных дел писал послу в Константинополе: «Три народности, греки, сербы и болгары, борются между собою из-за преобладания в Македонии. Причем, каждая из них, в ожидании будущего раздела этой области, напрягает все усилия свои к тому, чтобы обеспечить за собою права на наибольшую долю в ущерб притязаниям двух других народностей» [1, с. 192].

Памятные записки Вселенского Патриарха Константина V Российскому императору Николаю II

В 1899 и 1900 годах на имя Российского императора Николая II были составлены так называемые памятные записки Константинопольского Патриарха Константина V. Крайне интересные документы были обнаружены нами в Архиве внешней политики Российской империи МИД. Мысли и суждения Константинопольского Патриарха по греко-болгарскому вопросу подводят некий итог без малого на тот момент тридцатилетней церковной схизмы.

В патриаршей записке 1900 года находим рассуждения о врагах Вселенской Церкви. К внутреннему врагу Патриарх относит болгарский народ. «Болгарский народ и до настоящего дня блюдет себя отделенным от Матери-Церкви. Пренебрегши канонически законным церковным своим положением, становясь все в более и более враждебное к Церкви отношение, он отделяется от нее все далее и далее, забыв прежние многочисленные ее благодеяния... В то же время споры из-за храмов в македонских и фракийских епархиях не однажды заканчивались уже кровавыми и убийственными столкновениями» [1, с. 193]. В другой записке Патриарх Константин обосновывает реакцию

«внутренних врагов» следующим образом: «Более грозную опасность Константинопольская Церковь испытывает от внутренних врагов (ἀπό τῶν ἔσω πολεμίων), поднявших международную борьбу в Православной Церкви во время большой с внешней стороны опасности и сильного натиска инославных (ἑτεροδόξων); «братья сражаются против братьев и единославные против единославных (ὁμόδοχοι πρὸς ὁμοδόχους), способствуя осуществлению планов противника» [1, с. 193].

По мнению Патриарха, болгарские события произвели в церковном мире смущение и подняли большую бурю, которая не утихла и к концу XIX – началу XX вв. «Прежде благочестивый, религиозный и покоряющийся законам болгарский народ (βουλγαρικὸς λαός) внушил себе искаженную идею, что будто бы было необходимо восстание и война против Церкви для того, чтобы преуспевать в совершении своих дел, будто бы невозможно было устроить их благоразумным образом при помощи Церкви» [1, с. 193]. И таким образом, болгарский народ, «увлеченный на мрачный путь духовными и светскими предводителями, стремившимися к улучшению церковных, или вернее, народных дел своих (τῶν ἐθνικῶν αὐτοῦ πραγμάτων), при посредстве программ и начал племенных и национальных (διὰ προγράμμάτων καὶ ἀρχῶν φυλετικῶν καὶ ἐθνότητῶν), неизвестных и неупотребляемых в Церкви, и вследствие этого не принятых канонически, – предводителями, совершившими самые тяжелые попрания священных канонов при полном церковном мятеже, – держит себя в отделении от Матери Церкви (τῆς Μητρὸς Εκκλησίας), не заботясь о канонической законности своего церковного положения, и чрез враждебное расположение с каждым днем увеличивая раскол, забыв же о многочисленных благодеяниях Матери Церкви» [1, с. 194].

Развивая концепцию филетизма, Святейший Патриарх Константин приходит к интересным богословско-теоретическим выводам: «Прочие покоренные османами народы спаслись от уничтожения в лоне Церкви, составив христианское общество. Эти же племена, собранные, подобно цыплятам под крыльями нежной Матери, и оживотворенные её ласками,

сохранили вместе со святою верою, принадлежащие каждому отеческие блага. И хотя они различаются по языку и народности (τὴν γλῶσσαν καὶ τὴν φυλὴν), тем не менее, признают одну общую питательницу и Матерь, воспитавшую их во Христе, и составляют одно стадо, имеющее единое понятие православного учения, по божественным словам Евангелия: "Нет ни эллина, ни иудея...". Кроме того, Патриарх повествует о многих привилегиях, оказанных славянами со стороны Константинопольской церкви. «Не трудно также доказать важность всегда выдаваемых Вселенских Патриархом славянским племенам (τοῖς Σλαυισμοῖς πληθυσμοῖς) прав и льгот в вопросах администрации и языка, высших, как мы думаем, тех, которыми пользуются в собственной своей Церкви местные жители некоторых епархий других православных государств (ὀρθοδόξων κρατῶν)» [1, с. 194].

Обращаясь к Российскому самодержцу, Патриарх констатирует, что Россия, сознавая свое участие в деле примирения православных народов Балкан, во внешней политике прибегала к принципу аристократизма. «Господствующее положение России, могущественной славянской державы, ставит ее выше всех других славянских народностей как общую их покровительству, одинаково сочувствующую всем им, но не принимающую участия во внутренних, домашних их распрях» [1, с. 195].

Выводы

Несмотря на многочисленные попытки, предпринимавшиеся русской дипломатией, преодолеть схизму между греками и болгарами так и не удалось. Большинство из греко-болгарских противоборств заканчивались отпадением болгар от Константинопольской Патриархии. По верному замечанию консула в Битоле Н.А. Скрыбина, виновниками этих отпадений являлись «не те, что ищут согласия и мира, а те грубые и невежественные, что возбуждают борьбу, оскорбляя в людях человеческое достоинство» [1, с. 195]. Окончательно же схизма была снята лишь после потери политического значения дела при посредничестве Московского Патриарха Алексия I аж в феврале 1945 года [6, с. 48].

Болгарская схизма 1872 года осложнила и до того запутанные межцерковные связи Русской, Константинопольской и Болгарской Церквей. Раскол (σχίσμα) в Константинопольском Патриархате, выразившийся в церковном разделении болгар и греков не касался догматов Церкви. Этнофилетизм болгар явился посягательством на канонический церковный строй в виде попытки поставить в качестве принципа церковной организации, в частности, в определении сферы юрисдикции Поместной Церкви не территориальный, а этнический или языковой фактор. Между тем, большинство Поместных Церквей не приняли постановлений Собора 1872 года.

Частые перемены в Турецком Правительстве второй половины XIX столетия не способствовали четкому выражению политических идей Высокой Порты. На помощь султану пришел Константинопольский Патриарх, поддержавший Порту призывом к столичной пастве к повиновению и верноподданности турецким властям. Поэтому, многие церковные историки оставили многочисленные и не всегда справедливые упреки и наветы по адресу греков вообще и Константинопольской Патриархии в частности.

В непростые для Константинопольской Церкви 70-е годы XIX столетия обострение греко-болгарского церковного конфликта привело взаимоотношения между греками и болгарам, выражаясь шахматным языком, в цугцванг. Патриарх Анфим VI, при котором и состоялся Константинопольский Собор 1872 года, провел в начале своего повторного третьего избрания действительные меры по умиротворению греко-болгарской распри, но семя раздора настолько сильно засело в сердцах двух народов, что, несмотря на уступчивость первосвященника, уже сложно было что-либо предпринять для всеобщего успокоения. Церковное разъединение двух Церквей, неизбежно враждебных друг другу, подрывало и без того очень хрупкое церковно-идейное единство, которое было важным с точки зрения противодействия мусульманскому владычеству и иноверному прозелитизму со стороны католиков и протестантов.

Возникновение Болгарского экзархата в 1870 году и, как следствие этому

событию, провозглашение в сентябре 1872 года на Константинопольском Соборе болгарской схизмы явились лишь дополнениями к развернувшейся борьбе болгар за овладение своим государством. В то же время, благодаря определению Собора 1872 года и выжидательному положению многих Православных Церквей по этому определению, Болгарская Церковь очутилась в изолированном положении относительно всей группы Православных Церквей. К тому же, после раскола Болгарская Церковь обрела себе одного очень опасного «партнера» в лице Римско-Католической Церкви, не отказывавшейся никогда от своих притязаний на части Вселенской Церкви. В среде Римского Престола еще оставались реваншистские настроения по неудаче, испытанным им в Болгарии в IX столетии. Цель Римской Церкви была та же, что за 1000 лет до этого – подчинить себе Болгарскую Церковь. Будучи схизматической Церковью, Экзархат находил оправдание собственного существования в деятельности по консолидации нации. После русско-турецкой войны 1877-78 годов появление национального государства поставило Болгарскую Автокефальную Церковь перед необходимостью смены функциональных ролей. К этому ее подталкивала, в частности, проводившаяся государством секуляризационная политика. Тем не менее, границы Болгарской Церкви были шире границ Болгарского государства, что это стало для последнего инструментом реализации своих внешнеполитических целей.

Стоит отметить, что во всей деятельности Болгарского экзархата мирские проблемы, цели и методы преобладали над религиозными. Поэтому, без каких бы то ни было колебаний Экзархат можно охарактеризовать как национальное общественно-политическое представительство болгарского народа в последнем десятилетии османского владычества. Однако отсутствие показательных результатов деятельности экзархата при усиливавшемся соперничестве с Сербией и Грецией заставило его пересмотреть свою роль в осуществлении национально-государственных интересов Болгарии и занять место в так называемом «втором эшелоне» государственной системы. Болгарская Церковь полагалась на развитие системы образования, рассматривая православную

культуру в качестве основы национального самосознания.

На Соборе 1872 года болгар обвинили в филетизме и пренебрежении интересами Православия. Последствия болгарской схизмы, обернувшиеся для греко-славянского мира расколом, сказываются и в наши дни. Филетизм, совершенно очевидно, актуален и сегодня. Чисто по политическим соображениям в новейшей церковной истории произошли и продолжаются расколы внутренние и внешние в церковной жизни. Достаточно вспомнить события 1923 года, когда под нажимом Эстонского Правительства в юрисдикцию Константинопольского Патриархата перешла Автономная Эстонская церковь. В 1992 году печально известные события, приведшие к расколу на Украине и образованию неканонических Украинских Церквей, напоминают также события второй половины XIX века. Нынешняя ситуация на Украине, а также антифилетические заявления отцов Критского собора 2016 года свидетельствуют не только об актуальности, но и, увы, о возможном повторении глобального церковного конфликта в семье Поместных Церквей в наши дни.

Не имея точных демографических данных по Балканам XIX века (впервые перепись населения в Османской империи была проведена в 1884 году) [1, с. 212], отметим, что болгарская схизма прервала церковные отношения Константинополя и Болгарской Церкви, чадами которой являлись около 6 миллионов человек. Греко-славянский церковный раскол сентября 1872 года лишний раз свидетельствует о том, какая боль происходит в жизни Церкви, когда в нее привносятся политические страсти и амбиции, увлекающая за собой значительную часть духовенства. Благоразумные, умеренные элементы народа не сумели и не смогли справиться с демагогическим духом, который всегда составлял несчастье Балкан и который в этом случае особенно дал себя почувствовать. Национальный фактор на Балканах всегда имел огромное значение. Там столетиями люди боролись за небольшие клочки земли, и слова «грек» и «православный» стали почти синонимами.

Для болгар также национальные, правовые и бытовые вопросы в церковной организации были основополагающими в деле церковного освобождения. Но все церковные деления и решения напрямую зависят от политических преобразований. Если государство обретает самостоятельность, то рано или поздно его Церковь тоже получит автокефалию. В случае греко-болгарского вопроса было наоборот: и та, и другая стороны хотели подготовить почву для образования своего максимально большого национального государства через старые церковные модели. Отсюда и все споры, а в конце XIX века открытая война, особенно из-за Македонии – богатой области со смешанным населением. Конечно, Вселенский Патриархат обвинял болгар в незаконных действиях с канонической точки зрения – ведь греки исходили из старых реалий византийской эпохи, большого государства, нормы государственной жизни которого отразились при кодификации церковного права. А это самое византийское, греческое церковное право было, в свою очередь, перенято славянскими народами при принятии Православия, но без обязательства сохранять букву административных делений. Существует точка зрения, что из норм канонического права обязательно важны для всех правила догматические; что касается дисциплинарных, или территориальных – здесь возможны модификации.

Для самого церковного института, сохранившего преемственность на протяжении двух тысячелетий, испытавшего на себе все тяготы жизни, внутренние расколы и конфликты чем-то похожи на темные пятна, портящие красоту белоснежной скатерти. Церковь всегда страдала от ересей и расколов. «Но кроме национальных ересей, Церковь не менее страдала и страдает от ересей и расколов, имеющих свой корень в личной ненависти различных групп населения, руководимых в этом злом деле своими самозванными вождями или завистливыми иерархами, о чем досадовали древние отцы Церкви, например святитель Григорий Богослов, писавший Василию Великому: "Когда же вы перестанете друг друга угрызать из-за обладания епархиями, как (да простит

мне твоя боголюбивая святость) собаки из-за брошенной кости. Вот до чего доводит борьба честолубий, или, боюсь сказать, корыстолюбий"» [3, с. 206].

Во многом в жизни балканских христиан (славян и греков) семейные и бытовые традиции составляют основу их православного мировосприятия. Материальные черты преобладают в балканском национальном характере, а, следовательно, и священство, выходящее из народных недр, несет на себе отпечаток народной стихии и народных пристрастий. Поэтому, греко-болгарский церковный конфликт интересовал ту и другую сторону лишь с материальной точки зрения. В этом конфликте не было догматических расхождений. Все споры сводились к территориальному и национальному фактору преобладания греков или болгар в том или ином балканском регионе.

Этнические конфликты, возникающие на Балканах между единоверными народами должны рассматриваться не только с точки зрения исторической, но и этнологической, психологической и культурологической составляющих. В настоящем исследовании предпринята такая попытка – сопоставить этнопсихологические факты из жизни восточных христиан с нравственными характеристиками отдельных Константинопольских владык. При этом сама история Церкви представляется нам не только описанием Её святости, но и Её ошибок, неосторожных действий. Чего было больше в диалоге двух Церквей (Русской и Константинопольской) – ошибок или святости? Вопрос, остающийся по-прежнему дискуссионным.

Список литературы:

1. Венедиктов В. Россия и Константинопольский Патриархат. Этноконфессиональный диалог России и Константинопольского Патриархата во второй половине XIX века. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing. 2011.
2. Кузнецов В.С. Абдул-Хамид II // Вопросы истории. № 4. 2006
3. Лисовой Н.Н. Русская Церковь и Патриархаты Востока. Три церковно-политические утопии XX века: Приложение 3. Митрополит Антоний

(Храповицкий). Вселенская, или Греческая, или Российская, или Арабская? // Религии мира: История и современность. М., 2002.

4. Россия и Православный Восток. Константинопольский патриархат в конце XIX в. Письма Г.П. Беглери к проф. И.Е. Троицкому. 1878-1898 гг. / Изд. подг. Л.А. Герд. СПб., 2003.

5. Титов Ф.И., свящ. Михаил, митрополит Сербский. (1826-1898 г.). Киев, 1898.

6. Христов И. Русско-болгарские церковные отношения в годы болгарской схизмы // Журнал Московской Патриархии. 1976. № 8.

Сведения об авторе:

Венедиктов Вадим Юрьевич – кандидат исторических наук, член Научно-экспертного совета Института современных гуманитарных исследований (Москва, Россия).

Data about the author:

Venediktov Vadim Yuriyevich – Candidate of Historical Sciences, member of Scientific Expert Council, Institute of Modern Humanitarian Researches (Moscow, Russia).

E-mail: benedictus@list.ru.